

DOI 10.22363/2313-1683-2022-19-2-209-232

УДК 159.923.2

Теоретическая статья

(Не)взрослое поколение: модель исследования поколенческой относительности оценки взрослости

О.А. Тихомандрицкая , А.М. Рикель ✉

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Российская Федерация, 125009, Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 9

✉ a.m.rikel@gmail.com

Аннотация. Факт удлинения периода детства на данный момент не оспаривается психологами-исследователями и является причиной пересмотра общепризнанных возрастных рамок детства. Рассматриваются как классические (в том числе биологические, социологические, демографические, возрастнo- и социально-психологические) критерии взросления, так и современные представления об этих критериях. Анализируется хронология изменения воззрений в этой области, а также причины этих изменений в сегодняшнем цифровом контексте. Исходя из тезиса о вариативности сценариев современного взросления, соответствующего этой вариативности различия взглядов представителей разных поколений и, как следствие, возможного конфликта «отцов и детей», предлагается модель исследования поколенческой относительности оценки взросления. Модель описывается на каждом уровне возможного исследования (поведенческие проявления взрослости, интерпретация данных проявлений, система установок, ценностные ориентации). Обосновывается цель создания модели – анализ конфликта поколений как на уровне обыденных представлений, так и на более глубоких уровнях различий (в том числе ценностных ориентаций). Сквозь призму социального конструкционизма делается вывод о снижающейся полезности выделения конкретных параметров и компонентов взросления в условиях современного цифрового общества.

Ключевые слова: поколение, конфликт поколений, поколение Z, взрослость, социальный конструкционизм

Благодарности и финансирование. Работа выполнена при поддержке гранта РНФ № 22-18-00230 «Предикторы психологической адаптации личности в ситуации глобальных рисков цифрового мира: межпоколенный и гендерный анализ».

Еще совсем недавно старшие могли говорить:
«Послушай, я был молодым, а ты никогда не был старым».
Но сегодня молодые могут им ответить:
«Ты никогда не был молодым в мире, где молод я, и никогда
им не будешь».

Мид, 1988. С. 360

Введение

В 2019 г. Всемирная организация здравоохранения официально пересмотрела границы возрастов и «продлила» молодой возраст до 44 лет¹. Государственная Дума ФС РФ в 2020 г. так же повысила возраст молодежи,

© Тихомандрицкая О.А., Рикель А.М., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

¹ Сайт Всемирной Организации Здравоохранения (ВОЗ). URL: <https://www.who.int/ru> (дата обращения: 12.06.2021).

но менее радикально – до 35 лет¹. Проблема изменения рамок взросления поднимается повсеместно: на страницах СМИ, в социальных сетях, в современных произведениях искусства (Сейбель, 2017). В 2014 г. фонд «Общественное мнение», опросив более 1500 респондентов², выяснил: в российском обществе нет доминирующего мнения относительно сроков взросления молодого поколения: люди разного возраста, образования, социального статуса в целом делятся на две равные группы: тех кто считает, что молодежь вырастет раньше, чем это было ранее, и тех – кто позже. Единственное исключение – жители крупных городов и сельской местности: хотя и здесь первые чаще считают, что молодежь вырастет позже (35 %), чем вторые (19 %). Любопытно, что в качестве факторов сдвигов взросления, как сторонники мнения о более позднем, так и более раннем взрослении используют одни и те же аргументы: научно-технический прогресс, информационные потоки, изменения в моральных устоях общества и пр. Отсутствие преобладающего мнения по этому вопросу в обществе свидетельствует не столько об отсутствии консенсуса, сколько – о размытости категории взрослости.

Представления о взрослении стабильно остаются камнем преткновения в вопросе конфликта поколений в силу очевидной значимости этой темы в русле взаимодействия между «отцами» и «детьми». Здесь играет роль не только фактор психологической сложности перехода во взрослое состояние у подростка и отображение этой сложности в семейных отношениях: масло в огонь «подливает» социальный контекст, формирующий различное представление о взрослости у разных поколений (Рикель, 2019; Rikel, 2020).

Все это без преувеличения делает взрослость практически одной из центральных категорий для внутр поколенческого и межпоколенческого анализа. Не менее любопытно взглянуть на взросление в русле социального конструкционизма (Raskin, 2006; Smith et al., 2017): по нашей мысли, современная психология может испытывать затруднения в формировании объективно заданных критериев взросления именно в силу конструкционистского характера самого феномена: ведь каждое поколение «конструирует» свою собственную взрослость. Такая оптика восприятия взрослости вписывается в классическое конструкционистское представление о перманентном динамическом процессе интерпретации социальной реальности в русле социальных интеракций и вне наличия сколько-нибудь объективного значения этой реальности.

Взрослость сквозь призму различных наук и контекстов

Саму взрослость можно определять, используя биологические, культур-антропологические, социологические, юридические, демографические и психологические критерии (Jarvis, 2004). Последние можно рассматривать как возрастно-психологические и социально-психологические.

---

¹ Замахина Т. Возраст молодежи повысили до 35 лет включительно // Российская газета. 2020, 23 декабря. № 291 (8345). URL: <https://rg.ru/2020/12/23/vozrast-molodezhi-povyisili-do-35-let-vkliuchitelno.html> (дата обращения: 12.06.2021).

² Когда человек становится взрослым // Фонд «Общественное мнение». 2014, 12 августа. URL: <https://fom.ru/Obraz-zhizni/11661> (дата обращения: 12.06.2021).

В русле *биологизаторских* теорий обычно сравнивается длительность периода детства и взросления человека с другими млекопитающими и обсуждается факт, что животные зачастую лишены детства как длительного несамостоятельного периода развития (Жуков, 2014): в качестве базового критерия сравнения рассматривается самостоятельность функционирования взрослой особи. С более близких социальной психологии, позиций *культур-антропологии* анализируются исторические и культурологические причины нормативности тех или иных событий, являющихся маркерами взрослости. Например, одна из гипотез, объясняющих ранние браки и рождение детей в 14–15-летнем возрасте в прошлом, опирается на высокую детскую смертность и одновременную необходимость рождения большого числа детей для сохранения заботы о предыдущих поколениях в старости (Вишневецкий, 2006; Zakharov, 2008). Продолжая эту логику, *демографы*, рассуждая об изменении критериев взросления, говорят о принципиальном разделении сексуального, репродуктивного и матримониального поведения у современного человека, что проявляется в снижении числа браков, роста числа детей в незарегистрированных браках и пр. (Артамонова, Митрофанова, 2018). *Социологи* определяют взрослость через поведенческие маркеры, с помощью которых общество определяет соответствие данному статусу (например, начало работы или конец получения образования). *Юридическое* «закрепление» границ взрослости, как правило, является следствием совокупности экономических, политических, культур-антропологических и демографических факторов и, скорее, призвано «зафиксировать» уже существующий социальный контекст, что может быть менее интересно в рамках данного исследования. *Психологические* же детерминанты взрослости связывают либо с вопросами самовосприятия и рефлексии, либо с проблематикой соответствия тем или иным возрастно-психологическим и социально-психологическим критериям (достижения определенного статуса в развитии тех или иных психологических черт и установок).

Представляется очевидным, что каждый из этих подходов сталкивается с определенными ограничениями: так, связывать биологическую зрелость с психологической самостоятельностью и социальными ролями в современном мире достаточно странно; законодательный статус взрослости по-разному оценивается в различных странах и обществах, самовосприятие представляет собой субъективный конструкт и может часто «подводить» тех же самых подростков с их чувством взрослости, а оценка социума, наоборот, не подразумевает саморефлексии и так же может опираться на контекстуальные критерии (Митина, 2010).

В то же время изменения критериев взросления вкупе с объективными трансформациями социального контекста порождают постоянно присутствующие в научном и обыденном дискурсе рассуждения об инфантилизации современного молодого поколения (Рикель, 2019; Rikel, 2020). Так может ли современное поколение считаться инфантильным? Если да, то что в целом можно называть незрелостью в современном обществе? Насколько понятия взрослости и инфантильности могут быть описаны как объективные константы или являться объектами социального конструкционизма (Raskin, 2006)?

С опорой на вышеизложенные вопросы в данной статье будут поэтапно представлены:

- 1) описание существующих психологических и социально-психологических критериев взросления;
- 2) социально-психологическая модель исследования поколенческой ответственности оценки взросления;
- 3) социально-психологический «портрет» взросления молодого поколения (так называемых «зумеров»).

Классические воззрения на взросление

Терминологически *взрослость* как конструкт часто соотносят со *зрелостью*, причем последнюю рассматривают как критерий первой (Ильин, 2012). Так, С.И. Ожегов определял взрослого как человека, достигшего зрелого возраста (Ожегов, 2009). При этом любопытно, что семантически противопоставление ребенка и взрослого не несет столь явного оценочного суждения как «зрелый – инфантильный». Действительно, на уровне значений языка «взрослость» больше относится к характеристикам возраста, в то время как «зрелость» – к уровню развития. Б.Г. Ананьев отмечает, что *взрослость* и *зрелость* – суть различные понятия. При этом многие исследователи, определяя *взрослость*, по сути, описывают близкий термин к понятию «зрелость» (Портнова, 2008; Гудзовская, 2014). Не менее интересно сосуществование в современной психологической науке, а также в обыденном дискурсе бинарности «зрелость – инфантильность». Последняя терминологически, бесспорно, оценочна, ибо исторически инфантилизм ассоциируется с психическими задержками в развитии, психофизическими проблемами. В норме он описывается как незрелость эмоционально-волевой сферы (несамостоятельность решений, сниженная критичность по отношению к своим поступкам, завышенная требовательность к другим по отношению опеки о себе и пр.) (Кондратьев, Ильин, 2007). Психологи рассматривают инфантильность как регрессию к детским моделям поведения, то есть как защитную реакцию: Н. Мак-Вильямс говорит об инфантильности как о возможной копинг-стратегии (Мак-Вильямс, 2001). В данной статье будет показано, что дихотомия «зрелость – инфантильность» может считаться устаревшей в русле социально-психологического знания.

Присутствующие в *классических* концепциях психологические и социально-психологические *критерии взросления* можно условно разделить на: 1) достижение определенного набора личностных черт и характеристик; 2) приобретение определенных установок и, как следствие, 3) присутствие определенных поведенческих маркеров.

В качестве *поведенческих маркеров* обычно рассматривают критерии получения образования, первого опыта трудоустройства, независимого проживания и финансовой независимости от родителей, опыт партнерства с противоположным полом (незарегистрированные отношения с совместным проживанием), первый брак и рождение ребенка (Billari, Liefbroer, 2010; Fossas, 2019).

Под *сформированными установками* разные исследователи понимают наличие активной социальной и гражданской позиции, ориентацию на гума-

нистические ценности, повышающую социальную и личностную значимость взрослого (Вершловский, 2013). Обращают внимание на установку на созидательный труд и построение постоянных прочных супружеских отношений и воспитание детей (В. Квинн, Р. Хейвигхерст). Говоря о самовосприятии, выделяют установку на саморазвитие при сохранении целостной связи с окружающим миром (Дерманова, Манукян, 2010).

В части *личностных черт* зрелость принято операционализировать как психологическую зрелость (самостоятельность в прогнозировании своего поведения и оценке своих действий), социальную зрелость (способность самостоятельно принимать важные жизненные решения, принятие ответственности за социальное поведение). Признаками зрелости называют: ответственность, самостоятельность, самоконтроль (В. Квинн); становление профессионализма (Р. Хейвигхерст); наличие целей самореализации в трудовой, профессиональной и семейной сферах, нахождение призвания (Ш. Бюлер); физическую, психическую и эмоционально-волевою зрелость (А.А. Бодалев); профессиональное самоопределение, выбор пути развития (И.А. Кулагина); сформированность ценностных ориентаций (В.С. Мухина). С.К. Нартова-Бочавер называет достижение статуса зрелости обретением статуса суверенности – социально-адаптивного качества, появляющегося как результат обобщения повседневных ситуаций детства, происходивших в некотором социальном контексте (Нартова-Бочавер, Силина, 2018). В комплексном мета-анализе критериев личностной зрелости, проведенном И.Б. Дермановой и В.Р. Манукян, перечисляются: ответственность, осознанность, автономия, жизнестойкость, самоуправление и организация своей жизни. В части социально-психологической зрелости добавляются толерантность, наличие позитивных межличностных отношений (Дерманова, Манукян, 2010). Е.Л. Доценко выделяет следующие критерии зрелости: 1) ответственность – активность; 2) готовность к принятию обстоятельств, способность реализовывать задуманное; 3) целостность – целеустремленность; 4) субъектность, инициативность, амбициозность, самодостаточность, способность «держат удар»; 5) готовность к риску; 6) наличие образа желаемого будущего в сознании; 7) рефлексивность, оптимальная самооценка; 8) гибкость, принятие других, толерантность (Доценко, 2009).

Н.И. Леонов и М.М. Главатских, опираясь на системный подход в отечественной психологии, предлагают объединить в структуру социально-психологической зрелости личности как индивидуально-ориентированные личностные черты, так и социальные установки: активность, самостоятельность, ответственность, уважение и оптимизм. Каждая из этих составляющих может существовать, как на индивидуальном, так и на социальном уровне (например, активность на индивидуальном уровне – это воплощение целей, планов, организации собственной жизни; на социальном – активная позиция в коммуникации и активная гражданская позиция, на интегративном – активная жизненная позиция) (Леонов, Главатских, 2014).

Взгляд на критерии взросления в массовом сознании был проанализирован в упомянутом ранее опросе ФОМ, где на вопрос «Что, по вашему мнению, значит – быть взрослым?» 30 % респондентов упомянули понятие «ответственность» (за себя, за близких), 23 % – самостоятельность и незави-

симость, 12 % – разумность и рефлексивность. Наличие семьи и детей как маркеров взрослости упомянули всего 5 %. Большинство отождествляют свое взросление с первыми заработками (25 %), 12 % – с женитьбой/замужеством, 12 % – с образовательным статусом. Рождение ребенка (9 %), самостоятельное проживание от родителей (9 %), служба в армии (8 %) – получили меньшую поддержку респондентов³. Как видно из опроса, названные критерии по сути тоже представляют собой своеобразный «коктейль» из личностных черт, установок и поведенческих маркеров.

Изменение критериев взросления

В то же время критерии взросления находятся в ситуации *постоянного изменения*, то есть являются примерами классических социальных конструктов (Марцинковская, Полева, 2017; Хриптович, 2015; Billari, Liefbroer, 2010; Calcutt, 2010; Omelchenko, 2012). Это нельзя назвать новым трендом, так как, например, еще Аристотель призывал зрелую личность в стремлении к саморазвитию не впадать в эгоцентризм. Любопытно, что в такой трактовке эпоха Средневековья, с позиции современного человека, поощряла инфантилизацию личности, так как пропагандировала пассивность и подчинение в противовес антропоцентризму. В следовавших далее эпохах Просвещения и Возрождения постулировалось возвращение к культуре активности и саморазвития личности, что вновь возвращало «маятник истории» в сторону воспитания зрелости в античном понимании этого слова. Во времена революций зрелость вновь получала иное «прочтение»: развитый человек должен был, скорее, преследовать коллективные цели, нежели чем индивидуальные (Жесткова, 2013). Как справедливо замечает в связи с этим А.А. Реан, трактовка инфантилизма опирается не только на психический уровень развития личности, но и на культуральные особенности социума.

Изменение критериев взросления связано с социальным, экономическим и политическим контекстом. Изменения критериев у современной молодежи можно назвать настолько сильными, что вопросы взросления даже породили появление специфических неологизмов, обозначающих саму поколенческую группу.

Современные российские поколения принято делить согласно либо западным (N. Howe, W. Strauss), традиционным советским (Ю.А. Левада), недавним российским (М.И. Постникова) классификациям. В описываемой здесь статье используется одна из наиболее близких авторам классификация В.В. Радаева, находящегося на своеобразном стыке между популярными западными и российскими типологиями. Согласно этой типологии, выделяют, в частности, реформенное поколение (1968–1981 годы рождения), поколение миллениалов (1982–2000), поколение Z (2001 и позднее) (Радаев, 2020).

Современная российская молодежь, представители поздних миллениалов позже вступает в брачные отношения, позже рождает детей, позднее вступает в возраст финансовой самостоятельности (Рикель, 2019; Rikel, 2020). Этот тренд прослеживается не только на примере Игреков, но и при сравнительном

³ Когда человек становится взрослым // Фонд «Общественное мнение». 2014, 12 августа. URL: <https://fom.ru/Obraz-zhizni/11661> (дата обращения: 12.06.2021).

анализе нескольких поколенческих когорт второй половины XX в.: в медианном возрасте в 23 года не образовывали семью 41 % реформенного поколения (1998 г.), 50 % старших миллениалов (2009 г.) и 65 % младших миллениалов (2018 г.). Аналогично сдвигается срок рождения детей: в аналогичном возрасте не имели детей 31 % представителей реформенного поколения, 67 % – старших миллениалов, 81 % – младших. Показатели выхода на рынок труда так же изучались в медианном возрасте 23 лет. Резко снижается доля занятых при переходе от старших к младшим миллениалам: с 65 до 51 % (Радаев, 2020).

Видоизменяющаяся модель взаимоотношения с родителями (от желания экономической независимости в сторону необходимости поддержки с их стороны) породило термин *kidult* (от англ. *kid* – ребенок и *adult* – взрослый) (Темнова, Тезина, 2018). Другое оригинальное название этого термина – *boomerang-child* («дети-бумеранги», то есть люди, возвращающиеся в родительский дом после неуспешных попыток самостоятельной жизни). Аналогичные названия для этого феномена есть и в других языках – *bamboccioni* (итал.) («большие мальчики-куклы»), *nesthocker* (нем.) («птенец, не вылетающий из гнезда») и пр. (Толстых, 2015). Первые упоминания этого феномена начались еще в 1990-е гг. (Постман, 2004), его интерпретация различна: от удлиняющегося моратория на самоопределение и экспериментирование, который могут себе «позволить» богатые страны, до ухода от реальности, связанного со страхом перед своим будущим. С другой стороны, можно предположить, что вторая половина XX и начало XXI в., не отягощенные жесткими военными, политическими и экономическими потрясениями, создали социальный контекст, в котором детство оказалось «не просто приятным, а фактически – в пределах видимости, досягаемости» (Горалик, 2008. С. 276). Метафорой такого взросления может стать фигура Маленького принца или Питера Пена – существ, сочетающих в себе взрослость и сознательно сохраняемые детские черты (Горалик, 2008).

В качестве других примеров актуальных трендов известная исследовательница молодого поколения Дж. Твенге приводит следующие поведенческие факты: американские тинейджеры ходят в кино с родителями, реже занимаются сексом и реже ходят на свидания, старшеклассники перестали хотеть получать водительские права в 16 лет (у поколения Z в 2015 г. только у 72 % старшеклассников были права по сравнению с беби-бумерами в аналогичном возрасте). Представители поколения X и беби-бумеров возвращались сами домой и были предоставлены сами себе, спокойно гуляли по улицам, а согласно опросу 2015 г. 71 % родителей не отпустили бы ребенка-школьника из поколения Z гулять одного, при этом 59 % из них сказали, что их родители их отпускали. В конце 1970-х гг. 22 % старшеклассников никогда не работали, а в 2016 г. таких стало 44 %. В 1980-х гг. 70 % старшеклассников работали летом, а в 2016 г. – лишь 43 %. Они так же реже зарабатывают себе на карманные расходы. Примечательно, что автор интерпретирует это не как усиление контроля родителей над бунтующими подростками, а как добровольный отказ последних от притязания на свою свободу: несмотря на то, что родители знают, где находятся их дети, чаще контролируют и

вмешиваются в их жизнь, количество серьезных конфликтов с родителями (по признаниям детей) упало с 66 % в 1995 г. до 51 % в 2015. Даже такой показатель, как количество детей, пытавшихся после конфликта с родителями уйти из дома, резко снизилось всего за последние пять лет (Твенге, 2019; Fry et al., 2018). В России даже при возможности приобрести отдельную квартиру жить с родителями все равно бы осталось 17 % россиян (при этом в 2003 г., по данным Левады-центра, таковых было 13 %). При этом число тех, кто в этом случае однозначно съехал бы от родителей, в 2003–2016 гг., напротив, снизилось с 68 до 47 %⁴.

За последние десятилетия меняется не только взрослость, но и само детство: взрослые уже не транслируют самые предпочтительные модели социального опыта, возрастает роль масс-медиа в культивировании образов «взрослого детства», рушится традиционная иерархизированная структура семьи, либерализуется сексуальная мораль и практики: все это позволяет ряду исследователей прибегать к броской метафоре исчезновения детства (Crawford, 2006). С другой стороны само взрослое сообщество за последние десятилетия также инициировало изменения в традиционные отношения с детьми: 1) приоретизировало чувственную привязанность и психологичность по отношению к социальным формам подчинения и субординации; 2) разрушило традиционные авторитарные практики, провозгласив равноправие и уважение своей идеологией; 3) интенсифицировало роль материального и денежного фактора регулирования поведения детей; 4) подчинило воспитание детей тренду андрогинизации современного общества со свойственным ему отказом от жестких сценариев феминности и маскулинности (Мамычева, 2010). Очевидно, что эти изменения нельзя назвать повсеместными, но на уровне популярных транслируемых трендов их нельзя отрицать.

Дж. Твенге пишет, что подростки в рамках современной культуры выбрали так называемую «стратегию медленной жизни»: относительно небольшой размер семей и непрерывно растущие экономические потребности позволяют родителям дольше готовить своих детей к взрослой жизни, а подростковый период становится у поколения Z продолжением детства, а не стартом взрослой жизни (Твенге, 2019).

Конвергентность «западных» трендов взросления в России и в Европе подтверждается в межпоколенческом исследовании (2011 г., N = 5451 чел.), в котором были описаны три модели взросления. У постсоветского поколения: 1) изменяется роль «партнерства» как маркера взрослости: в советское время этого маркера не существовало, так как само партнерство не выступало критерием взросления; 2) усиливается роль профессионального образования как нормативного сценария взросления; 3) повсеместная доступность высшего образования позволяет включать его в жизненный сценарий молодого россиянина, тем самым еще удлиняя период детства; 4) брак случается позже и не всегда наступает раньше рождения ребенка (Артамонова, Митрофанова, 2018).

---

⁴ Рувинский В. Расцвет инфантов: как неготовность граждан взрослеть тормозит развитие экономики // Коммерсантъ Деньги. 2016. № 34. С. 18. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/3070259> (дата обращения: 12.06.2021).

При этом изменение критериев взросления неизбежно влечет за собой усиление возможного межпоколенческого конфликта, так как логичным образом по-разному воспринимаются представителями разных поколений (Марцинковская, Полева, 2017; Twenge et al., 2010; Hershatter, Epstein, 2010; Lyons, Kuron, 2014; Parry, Urwin, 2011). В частности, в недавнем исследовании был выявлен логичный результат: молодое поколение и более старшее (Y и X) признают наличие межпоколенческих различий, основное из которых заключается в восприятии критериев социальной зрелости. Несмотря на относительно толерантное отношение к изменению этих критериев у молодежи, «Иксы» воспринимают брак, появление детей и финансовую самостоятельность атрибутами вступления во взрослую жизнь, в то время как «Игреки» считают отсутствие ранних браков и более позднее рождение детей своим осознанным выбором, а причины такого поведения они находят в больших возможностях, которые им «дарит» общество (Рикель, 2019; Rikel, 2020). Таким образом, постоянное изменение критериев взросления «накладывается» на отсутствие явного консенсуса относительно этих критериев у разных поколений.

Усложнение взросления и размывание границ

Все вышеперечисленное позволило исследователям сделать вывод о вариативности путей и темпов взросления (emerging adulthood – нарождающаяся взрослость) (Arnett, 2000). Ряд философов называет такую индивидуализацию «настраиваемыми жизненными путями» (choice biography). Некоторые исследователи метафорично называют этот процесс «инфляцией возраста» (Shoven, Goda 2011), то есть сдвигом и видоизменением границ взросления. Эти идеи вписываются в философию постмодернизма, которая предполагает частичный отказ от классической идеи прогресса, когда каждая следующая ступень развития выше предыдущей, то есть на каждой следующей ступени происходит принятие всех положительных трендов предыдущих ступеней и отказ от атавистических конструктов. В русле постмодернизма соотношение «детства» и «взрослости» лишается классической метафоры лестницы. В русле идеологии «взрослоцентризма» детство – не более чем простое, переходное образование, ступень к следующему уровню развития. Постмодернистская трактовка подразумевает отсутствие необходимости отрицания культуры детства как «недокультуры» в силу легитимизации одновременного сосуществования разных культурных логик (Мамычева, 2010). Примером такой легитимизации может быть признание права взрослого на наличие «внутреннего ребенка», как это делается в транзактном анализе Э. Берна, или в повсеместном внедрении в профессиональной деятельности инструментов игрофикации. Общее «растягивание» критериев и стадий взрослости можно хорошо проиллюстрировать на примере образования, а именно укоренения в общественном сознании концепции lifelong learning (образования в течение всей жизни) (Шевкова и др., 2018).

Такая индивидуализация в целом характеризуется снижением роли нормативных компонентов (Костромина и др., 2018), которые обычно свидетельствуют о тяжелых жизненных условиях и даже об определенной необ-

ходимости выживания у представителей поколения (Гришина, 2011). Фактор объективного экономического и социального благополучия в целом оказывается очень значимым, что является вполне логичным. Так, в ситуации относительной гомогенности в части благополучия внутри одного поколения это не приводит к серьезным внутрипоколенческим различиям в жизненных сценариях (как это, например, было во время Великой отечественной войны, когда по меткому выражению, целому поколению молодых людей «пришлось» повзрослеть раньше и когда сценарий этого взросления внутри одного поколения был более-менее схожим). При этом современный этап развития, характеризующийся существенной гетерогенностью в экономическом и социальном благополучии в разных странах и внутри одной страны показывает всю вариативность взросления. Так, например, подростки в США выстраивают паттерны своего будущего в зависимости от уровня благополучия: девушки из бедных семей ориентированы на семью, а из более статусных – на совмещение семьи и карьеры (Thompson, Holland, 2002). На российской выборке есть убедительные данные о возрасте инициации сексуальных контактов в среде тинейджеров: в более экономически благополучных школьных сообществах принято вступать в эти отношения позже, чем в менее благополучных⁵.

Таким образом, ключевым выводом, характеризующим взросление постсоветских поколений, можно назвать усложнение разнообразия наборов жизненных сценариев, что соответствует ведущим трендам в западноевропейских странах (Billari, Liefbroer 2010; Berrington et al., 2016; Puur et al., 2012): взросление перестает быть «ранним, ускоренным и простым» и становится «поздним, растянутым и сложным».

Такое усложнение и растянутость способствует увеличению разнообразия обыденных взглядов на взросление, усиливает конфликт поколений и как следствие вынуждает конструировать собственное понимание взрослости, причем включая не только конкретные ее проявления, но и стоящие за этим личностные черты и установки.

Модель исследования поколенческой относительности оценки взросления

Авторами данной статьи предлагается переосмыслить классическую критериальную модель обретения статуса взрослости, когда какой-то набор качеств, характеристик или достижений может означать переход на ту или иную стадию. При такой индивидуализации сам жизненный сценарий конкретного человека начинает становиться определенным мерилom взрослости: а) в представлениях самого человека; б) поколения, к которому этот человек принадлежит; в) старших и младших поколений. При такой относительности межпоколенческих оценок разговоры о быстрой динамике *изменения критериев* взросления справедливо сменяются разговорами об их *вариативности*, что как раз снижает ценность выделения конкретных критериев. Можно добавить, что размытость трактовки взрослости, в том числе,

---

⁵ Интим не предлагать. Почему поколение Z не интересуется сексом? // РБК Тренды. 2021, 20 июля. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=bQujq5IQT5s> (дата обращения: 12.06.2021).

объясняется наличием ценностных установок у исследователя, особенно ярко проявляющимися здесь в силу социальной значимости проблематики. Так, ряд исследователей говорит об инфантилизации в категориях ярких красок нравственной деградации, а ряд исследователей – как пример успешной адаптации к новейшему культурному и социальному контексту (Микляева, 2019; Пахомова, 2021). В этом смысле несовременно выглядит и само по себе противопоставление взрослости и инфантильности, ибо в силу упомянутых выше тезисов в логике социального конструкционизма данная дихотомия давно потеряла свою актуальность.

При этом очевидно, что наличие конкретных критериев взросления, как это было представлено во всех описанных ранее концепциях, являлось удобным прикладным инструментарием для индивидуальной психологической диагностики, психотерапевтических практик, создания концепции государственной политики в работе с молодежью, однако, на данной стадии развития общества и в русле социально-психологической «оптики» представляется правильным признать невозможность создания такого универсального списка. Подытоживающим выше сказанное, является предлагаемая здесь **модель исследования поколенческой относительности оценки взрослости** (ПООВ), которая может быть использована, в частности, для анализа межпоколенческих конфликтов применительно к проблемам взросления и которая содержит в себе несколько уровней.

1. Базовым уровнем в данной модели могут служить некоторые **объективно фиксируемые поведенческие факты** (уровень 1А): их наличие/отсутствие и время происхождения. В качестве таких событий могут выступать уже упомянутые выше события, которые исторически в рамках жизненного сценария часто интерпретировались как достижение статуса взрослости: 1) события, связанные с семейным поведением (вступление в брак, появление первого ребенка и пр.); 2) карьерные события (первые заработки, достижение финансовой независимости, выбор конкретной карьерной траектории и пр.); 3) образовательные события (сроки получения высшего/среднего специального/дополнительного образования и пр.); 4) события, характеризующие взаимоотношения с родителями (совместное проживание с родителями, финансовая помощь родителям или от них и пр.); 5) практики досуга и быта (развлечения, характеристики самостоятельно проведенного времени); 6) практики, характеризующие различные традиционные «инициации» (начало и характеристики сексуальной жизни, практики начала употребления алкоголя и (или) других психоактивных веществ и пр.).

Своеобразным «ответвлением» этого уровня (уровень 1Б) можно назвать события, которые нельзя зафиксировать объективно, но которые при этом характеризуют **субъективно значимые события** в рамках жизненного сценария (например, переживание первой влюбленности, горечи утраты и пр.).

2. Представленный выше перечень не является полным и не может таким являться по умолчанию в силу описанной выше динамичности **представлений о событиях взросления в рамках жизненного сценария**, которые и являются следующим уровнем в описываемой здесь модели. Эти два уровня взаимосвязаны реципрокно: представления могут менять как сам пе-

речень событий, так и сроки прохождения той или иной стадии в этих событиях; аналогично, сами события так же видоизменяют представления (например, исчезновение охоты как обязательной мужской профессиональной и досуговой практики привело к изменению представлений об освоении навыков охотника как обязательных для взрослого молодого человека).

У этих представлений может быть различный уровень глубины рефлексии, разная степень критичности отношения и, наконец, различная интенция с точки зрения воздействия на эти представления:

– **нормативные представления об этих событиях взросления** (уровень 2А), которые декларируются их обладателями и не связываются с иными представлениями, установками и ценностями. Например, постепенно увеличивающийся возраст вступления в брак и отсроченный возраст рождения детей может вызывать у разных поколений диаметрально противоположные реакции. Эти представления могут быть «отрывочными» или плохо отрефлексированными, не связанными в единую структуру с другими представлениями, с минимальным уровнем интерпретации (*«жениться надо рано», «это раньше только школу окончил и уже бежишь жениться, а сейчас можно и позже», «всегда выходили замуж рано – и нормально было»* и пр.);

– **интерпретация событий взросления с позиции изменения личностных черт** (уровень 2Б) в «коллективном» психологическом портрете поколения. На этом уровне различия в том же матримониальном поведении уже начинают *объясняться* различным образом представителями разных поколений: от всеобщей инфантилизации и безответственности до, напротив, роста ответственности и осознанности; от несамостоятельности до, напротив, полной независимости (*«сейчас какие-то все несерьезные стали, играют в игры все время, а если не играют – то все в соцсетях. Куда тут жениться-то?»*, *«Это более ответственное поколение, они хотят жениться уже тогда, когда полностью созреют, и за это их можно уважать»*). Эти изменения в портрете поколения могут увязываться с социальным и экономическим контекстом: они позволяют молодому поколению, в зависимости от точки зрения, либо оставаться дольше инфантильными, либо уделять больше времени карьере и саморазвитию (*«современная девушка может себе позволить выйти замуж и родить позже, потому что у медицины больше возможностей – вот и появилось время для строительства карьеры»; «нам в их годы жилось тяжело, мы не могли бесконечно думать о всяком личностном росте, а вот они могут подольше в «детство» поиграть»*).

Наконец, в части отношения к более поздним бракам и рождению детей представители разных поколений могут как принимать данную тенденцию, так и демонстрировать отказ от признания данного тренда и рассуждать о необходимости активного «перевоспитания» молодежи, стимуляции их к возврату к более ранним критериям (*«у нас было по-другому, но это же прекрасно, что у них столько возможностей пожить для себя»; «иногда смотришь на подрастающее поколение – и начинает казаться, что им не хватает все-таки того, через что мы прошли»*).

3. Вариативность представленных выше представлений опирается не просто на установки относительно событий описанного выше первого уровня

(например, относительно той же женитьбы, а на **систему социальных установок** (следующий уровень представленной модели). Например, дискурс об установках относительно правильности тех же изменений сроков вступления в брак и рождения детей приводит разные поколения, например, к разговору о роли карьеры, финансовой самостоятельности, принятии осознанных решений (Емельянова, Шмидт, 2019; Рикель, 2019; Радаев, 2020; Rikel, 2020): *«я хочу в целом в жизни руководствоваться принципом «делать что-то только тогда, когда я пойму, зачем мне это нужно: так, в конце концов, буду счастлива и я, и, надеюсь, мой будущий ребенок»»; «эти ребята пока в работу не наиграются, машины себе дорогие не накупают... и не шельмутся».*

В частности, говоря об установках относительно осознанности, отметим, что именно развитию этой личностной черты уделяется особое внимание современной молодежи: этому посвящены тренинги и курсы, об этом пишут популярные блогеры, она становится предметом исследований (Белинская, Джураева, 2021). Столь популярный конструкт не просто выступает частью дискурса, но, что логично, становится регулярным интерпретативным механизмом тех или иных жизненных практик: решение отложить ключевые семейные события так же часто объясняется желанием сформировать максимально осознанное отношение к семейной жизни. Такой дискурс зачастую противопоставляется более ранним бракам у старших поколений, которые *«были вынуждены отказаться от осознанности в силу сложного периода, в который они жили, но теперь почему-то требуют от нас такого же».* Многие представители старших поколений, действительно, зачастую с иронией и критикой относятся к дискурсу об осознанности в тех или иных поступках, рассуждая, что *«в наше время нам было не до этого».*

4. Как было сказано выше, эти установки могут осознаваться или не осознаваться, но при этом прямым или косвенным образом выражать отношение к лежащим в их основе **ценностным ориентациям** (наивысший уровень модели). Нетрудно заметить, что понимание той же осознанности именно в ключе приоритизации максимальной рефлексии собственных желаний соотносится с ценностями **индивидуализма**, а понимание осознанности как признания и принятия целей семьи или близкой контактной малой группы как приоритетных – с ценностями коллективизма.

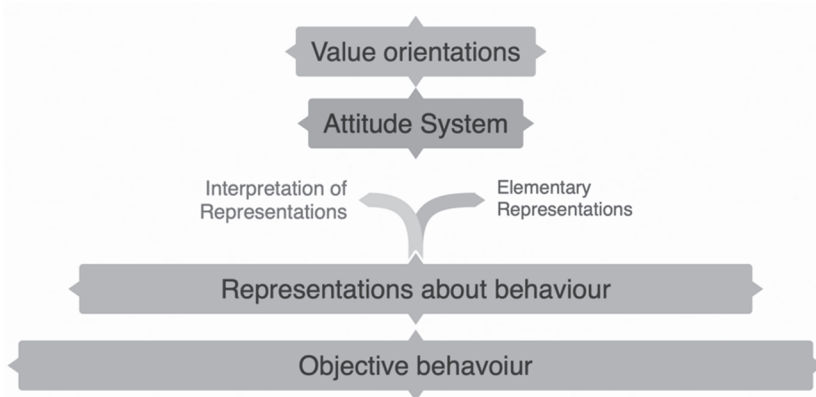
В свою очередь ценностные ориентации, преобладающие у того или иного поколения, логичным образом находятся в зависимости от **социального контекста**, который и обуславливает дальнейшее развитие поколенческой «оптики».

Возможная несогласованность бихевиоральной, когнитивной и аффективной структуры внутри социальных установок, а также неоднозначная связь поведения и ценностных ориентаций были неоднократно доказаны в социальной психологии, однако нам близка логика уровневой структуры диспозиций В.А. Ядова (Андреева, 2001), которая отчасти снимает это противоречие. Представленная нами модель (рисунок) существует в схожем логическом пространстве, предполагающем наличие связи между ценностным уровнем и уровнем конкретных поведенческих актов.

Уровневая логика модели исследования ПООВ (рисунок) объясняет всю бессмысленность поиска психологических коррелятов формирования взрослого статуса: ведь та же ценность индивидуализма-коллективизма (уровень IV), создающая систему установок и в карьере, и в отношениях с родителями, и в семейном поведении (уровень III) заставляет все поколения понимать осознанность (уровень II) как личностный критерий взросления по-разному: для одних она будет оправданием периода удлинённого детства, а для других – объяснительным инструментом принятия быстрых и иногда, напротив, слишком ранних решений на пути к ранней взрослости. В этом и проявляется пресловутая *относительность*, заложенная в название этой модели. Одни и те же поведенческие проявления, а также стоящие за этими проявлениями системы установок и ценности могут диаметрально противоположно интерпретироваться разными поколениями. С нашей точки зрения, базовым контекстуальным фактором, влияющим на восприятие конкретного поколения, можно назвать степень объективного экономического и политического благополучия, в котором оно созревает. Связанными социально-психологическими факторами, обуславливающими поколенческую оптику в вопросах взросления можно назвать доминирование: 1) индивидуалистических или коллективистических; 2) либеральных или патерналистских; 3) рационально-прагматических или романтически-духовных ценностей.

Модель исследования поколенческой относительности оценки взрослости

Research model of generational relativity of adult assessment

**Представления реформенного поколения и поколения Z
о различных личностных чертах – критериях взросления /
Representations of the reform generation and generation Z
of various personality traits (maturity criteria)**

Представления реформенного поколения / Reform generation representations	Представления поколения Z / Generation Z representations
<i>Осознанность / Consciousness</i>	
Осознанность рефлексруется как более раннее осознание своей ответственности перед семьей, необходимости строительства карьеры для достижения успешности в условиях высокой конкуренции и слабого развития социальных лифтов	Осознанность понимается как глубинная рефлексия своих карьерных и личных целей, способствующая «замедлению» тех или иных выборов в рамках жизненного сценария и оправданию этого замедления
Consciousness is reflected as an earlier awareness of one's responsibility to the family, the need to build a career to achieve success in a highly competitive environment and weak development of social elevators	Consciousness is understood as a deep reflection of one's career and personal goals, contributing to the "slowdown" of certain choices within the framework of a life scenario and justification of this slowdown
<i>Самостоятельность и независимость / Self-consistency and independence</i>	
Независимость и самостоятельность рефлексировались как ранний старт карьеры, раннее финансовое самообеспечение, самостоятельное и независимое принятие решений	Ранний старт карьеры с целью финансовой самостоятельности, ценность отдельного проживания и в целом финансовая независимость от родителей оказывается менее значимой. Самостоятельность больше ценится как внутренняя готовность к принятию решений, нежели чем реальные поведенческие индикаторы
Self-consistency and independence were reflected as an early career start, early financial self-sufficiency, self-consistent and independent decision-making	An early career start for the purpose of financial independence, the value of separate living and, in general, financial independence from parents is less significant. Self-consistency is valued more as an internal willingness to make decisions than as real behavioral indicators
<i>Ответственность и социальная позиция / Responsibility and social position</i>	
Представления об ответственности в русле общепатриотических установок, во многом, опирались на выраженность и примат коллективистических ценностей. Говоря об ответственности в русле взросления, часто говорили о макросоциальной ответственности и формировании гражданской позиции, отвечающей экономическим и политическим требованиям общества	Представления об ответственности поляризуются и выводятся на уровень семьи и, наоборот, уровень макросоциальной проблематики (например, проблемы экологии и другие надгосударственные проблемы). При этом ответственность перед другими малыми группами (профессиональными, другими контактными) часто ценится меньше
Representations of responsibility in line with general patriotic attitudes, in many respects, rely on the distinct manifestation and primacy of collectivist values. As for responsibility in line with growing up, they often talk about macro-social responsibility (Dementiy) and about the formation of a civic position that meets the economic and political requirements of society	Representations of responsibility are polarized and brought to the level of the family and, conversely, the level of macro-social issues (for example, environmental problems and other supranational problems). At the same time, responsibility to other small groups (professional, other contacts) is often less valued
<i>Установки, связанные с безопасностью / Attitudes towards safety</i>	
Экономическая и криминологическая обстановка, отсутствие моды на заботу о собственном здоровье способствовали формированию понимания безопасности как витальной потребности, связанной с проблемами выживания в опасном обществе, лишенном базовых социальных гарантий экономического и социального благополучия	Представления о безопасности концентрируются вокруг индивидуальной безопасности, связанной с образом жизни: культом здорового образа жизни, безопасного секса, снижением моды на потребление алкоголя
The economic and criminological situation, the lack of fashion for taking care of one's own health contribute to the formation of an understanding of safety as a vital need associated with the problems of survival in a dangerous society deprived of basic social guarantees of economic and social well-being	Representations of safety are concentrated around individual safety associated with lifestyle: the cult of a healthy lifestyle, safe sex, and a decrease in the fashion for alcohol consumption

Установки, связанные с лояльностью и приверженностью / Attitudes towards loyalty and commitment

Лояльность профессии, организациям и другим микро- и макрогруппам (вплоть до страны проживания) связывается с потребностью в стабильности и страхами лишения этой стабильности в карьере и в образе жизни в целом. Приверженность ставится во главу угла, приоритизируется и становится сверхзначимой, возводится в максимум коллективистической ценности. Отсутствие приверженности выбранному, например профессиональному пути, рассматривается как признак незрелости

Приверженность и лояльность могут противоречить индивидуалистическим потребностям, в частности осознанности и независимости. Однако нельзя сказать, что фокус лояльности и верности полностью теряется у поколения Z. В части представлений о зрелой личности сохраняется верность близким людям и контактными группам (семье)

Loyalty to the profession, organizations and other micro- and macro-groups (up to the country of residence) is associated with the need for stability and fears of depriving this stability in a career and lifestyle in general. Commitment is put at the forefront, prioritized and becomes super-significant, elevated to the maxim of collectivist value. Lack of commitment to a chosen professional path, for example, is seen as a sign of immaturity

Loyalty and commitment may conflict with individualistic needs, in particular awareness and independence. However, it cannot be said that the focus of loyalty and fidelity is completely lost in generation Z. In terms of representations of a mature personality, loyalty to close people and contact groups (family) remains

Итак, как видно из модели, на уровне I (поведенческие акты) поколенческая «оптика», например, определяет, считается ли «взрослым» поведением удлинение периода получения образования. На уровне II (представления о личностных чертах, «отвечающих» за это поведение) она определяет, что можно назвать, например, осознанность критерием зрелости: удлинение образования с целью «осознанного» выбора дальнейшей карьеры или «осознанный» ранний старт работы с целью обеспечения материальных достижений. На уровне III в зависимости от взгляда того или иного поколения рассматривается в целом системная установка на осознанность в контексте жизненного сценария: является ли выраженность этой установки проявлением зрелости или нет? Наконец, IV уровень ценностных ориентаций, находящийся под влиянием социального контекста, по сути, детерминирует все восприятие: именно этот уровень определяет угол зрения на все предыдущие уровни.

Из всей этой модели в таблице на примере разных поколений детальнее рассмотрены уровни II (представления о личностных чертах) и III (система социальных установок), потому что именно личностные черты и установки чаще всего рассматривались в ранних концепциях и теориях как критерии и атрибуты зрелости.

Какие же черты и установки оказываются наиболее подверженными поколенческой «оптике»? Сопоставляя существующие ранее теоретические модели взросления с проводимыми современными исследованиями, можно выделить следующие черты, которые могут являться полноценными компонентами модели исследования ПООВ в части их вариативности, динамичности и относительности:

1) личностные черты: а) осознанности, б) ответственности, в) самостоятельности, г) независимости;

2) социальные установки, касающиеся: а) безопасности, б) лояльности и приверженности, в) целей и понимания путей развития, г) гражданской позиции; д) толерантности и терпимости.

В таблице на основании предыдущих исследований межпоколенческих различий представлено отношение к перечисленным здесь составляющим взросления. Для удобства и демонстрации значимых различий анализируются не граничащие друг с другом по классификации В.В. Радаева, так называемые, реформенное поколение (1968–1981 г.р.) и поколение Z (2001 г.р. и позднее).

Каждая из данных черт приводится здесь как иллюстрация ПООВ, но при этом заслуживает отдельного теоретического и эмпирического анализа в рамках отдельных же исследований.

Заключение

Итак, мы кратко описали представленные на данный момент в исторической ретроспективе и в актуальный момент психологические концепции взросления с акцентом на устаревание подхода выделения строгих поведенческих и психологических коррелятов взросления.

Современная концепция нарождающейся взрослости, подразумевающая вариативность моделей и сценариев взросления представляется логичной, но нуждается в дополнении: индивидуализация путей взросления осложняется относительностью трактовок самого понятия взрослости, в том числе представителями разных поколений. Взрослость не только становится многогранной: как *социально-психологический конструкт* он и перестает обладать объективными психологическими маркерами и критериями, ибо в глазах представителей разных поколений эти маркеры и критерии могут быть различны.

Мы предлагаем исследовательскую модель поколенческой относительности оценки взрослости, состоящую из четырех уровней и позволяющую исследователю в условиях доказанной неопределенности данного понятия проводить изучение восприятия взрослости разными поколениями, начиная от конкретных поведенческих проявлений и заканчивая ценностными ориентациями.

Предпринятая в этой статье попытка теоретической рефлексии процесса взросления – это не просто в очередной раз, что многократно делалось ранее, продемонстрировать изменчивость критериев этого процесса, а желание соединить эти критерии с тактом изменений поколенческих трендов. В свете этой оптики в постоянно ускоряющемся ценностном разрыве между поколениями рассмотрение отдельных критериев и параметров взросления представляется лишенным смысла. В рамках уровневой структуры ПООВ от конкретных событий взросления и представлений о них вплоть до атрибуций и ценностей, касающихся этих представлений, рассматриваются конкретные характеристики и установки в рамках этой поколенческой оптики. Данная модель может служить исследовательским инструментом в рамках анализа противоречий в установках относительно взросления у представителей разных поколений и тем самым вносить свой вклад в теоретическое осмысление вечного конфликта «отцов и детей».

Список литературы

- Андреева Г.М. Социальная психология. М.: Аспект Пресс, 2001.
- Артамонова А.В., Митрофанова Е.С. Матримониальное поведение россиян на фоне других европейцев // Демографическое обозрение. 2018. Т. 5. № 1. С. 106–137. <https://doi.org/10.17323/demreview.v5i1.7711>
- Белинская Е.П., Джурарева М.Р. Взаимосвязь проактивного совладания с трудными жизненными ситуациями и уровня осознанности: кросс-культурный анализ // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2021. Т. 11. № 1. С. 48–62. <https://doi.org/10.21638/spbu16.2021.103>
- Вершиловский С.Г. Взрослость как категория андрагогики // Вопросы образования. 2013. № 2. С. 285–297. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2013-2-285-298>
- Вишневский А.Г. Демографическая модернизация России, 1900–2000. М.: Новое издательство, 2006. 601 с.
- Горалик Л. Маленький Принц и большие ожидания. Новая зрелость в современном западном обществе // Теория моды. 2008. № 8. С. 259–299.
- Гришина Н.В. Жизненные сценарии: нормативность и индивидуализация // Психологические исследования. 2011. № 3 (17). С. 6. <https://doi.org/10.54359/ps.v4i17.846>
- Гудзовская А.А. Психология социальной зрелости. Самара: СИПКРО, 2014. 256 с.
- Дерманова И.Б., Манукян В.Р. Личностная зрелость: к определению психологического содержания // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика. 2010. № 4. С. 68–73.
- Доценко Е. Л. Психология личности. Тюмень: ТюмГУ, 2009. 512 с.
- Емельянова Т.П., Шмидт Д.А. Партнерские отношения в браке: репрезентации двух поколений // Вестник РГГУ. Серия: Психология. Педагогика. Образование. 2019. № 4. С. 63–79. <https://doi.org/10.28995/2073-6398-2019-4-63-79>
- Жесткова Н.А. Методологические подходы к исследованию социальной зрелости и социального инфантилизма личности // Вестник Пермского университета. Филология. Психология. Социология. 2013. № 2 (14). С. 128–136.
- Жуков Б. Индустрия недорослей // Отечественные записки. 2014. № 5 (62). С. 24–36.
- Ильин Е.П. Психология взрослости. СПб.: Питер, 2012. 544 с.
- Кондратьев М.Ю., Ильин В.А. Азбука социального психолога-практика. М.: ПЕР СЭ, 2007. 464 с.
- Костромина С.Н., Гришина Н.В., Зиновьева Е.В., Москвичева Н.Л. Жизненная модель как конструкт изучения жизненного сценария личности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2018. Т. 8. № 4. С. 341–357. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu16.2018.403>
- Леонов Н.И., Главатских М.М. Социально-психологическая зрелость личности: интегративный подход // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2014. Т. 14. № 1. С. 55–60. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2014-14-1-55-60>
- Мак-Вильямс Н. Психоаналитическая диагностика: понимание структуры личности в клиническом процессе. М.: Класс, 2001.
- Мамычева Д.И. Трансформации категорий «Детство» и «Взрослость» в современной культуре // Общество. Среда. Развитие (Тerra Humana). 2010. № 3 (16). С. 75–80.
- Марцинковская Т.Д., Полева Н.С. Поколения эпохи транзитивности: ценности, идентичность, общение // Мир Психологии. 2017. № 1 (89). С. 24–37.
- Мид М. Культура и мир детства. Избранные произведения. М.: Наука, 1988. 429 с.
- Микляева А.В. Социально-психологический подход к исследованию личностного инфантилизма // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки. 2019. № 2 (95). С. 147–157. <https://doi.org/10.22204/2587-8956-2019-095-02-147-157>
- Митина А.М. Критериальные основания определения взрослости в зарубежной андрагогике // Человек и образование. 2010. № 1 (22). С. 62–65.

- Нартова-Бочавер С.К., Силина О.В. Психологические границы личности: взросление и культура. М.: Памятники исторической мысли, 2018. 120 с.
- Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: около 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / под ред. Л.И. Скворцова. 26-е изд., испр. и доп. М.: Оникс, 2009.
- Пахомова Е.А. Инфантилизм в студенческой молодежной среде как психолого-педагогическая проблема // Человеческий капитал. 2021. № 2 (146). С. 234–242. <https://doi.org/10.25629/НС.2021.02.23>
- Портнова А.Г. Личностная зрелость: подходы к определению // Сибирский психологический журнал. 2008. № 27. С. 37–41.
- Постман Н. Исчезновение детства // Отечественные записки. 2004. № 3. URL: <https://magazines.gorky.media/oz/2004/3/ischeznovenie-detstva.html> (дата обращения: 12.06.2021).
- Радаев В.В. Раскол поколения миллениалов: историческое и эмпирическое обоснование (первая часть) // Социологический журнал. 2020. Т. 26. № 3. С. 30–63. <https://doi.org/10.19181/socjour.2020.26.3.7395>
- Рикель А.М. Поколение как объект изучения социальной психологии: исследование на «своем поле» или на «ничьей земле»? // Социальная психология и общество. 2019. Т. 10. № 2. С. 9–18. <https://doi.org/10.17759/sps.2019100202>
- Сейбель Н.Э. «Страх взросления» в немецкой драматургии начала XXI века // Филологический класс. 2017. № 1 (47). С. 84–87. <https://doi.org/10.26710/fk17-01-14>
- Твенге Дж.М. Поколение I: почему поколение интернета утратило бунтарский дух, стало более толерантным, менее счастливым и абсолютно не готовым ко взрослой жизни. М.: Рипол-Классик, 2019. 406 с.
- Темнова Л.В., Тезина Е.И. Кидалтинг как социальный феномен // Теория и практика общественного развития. 2018. № 12 (130). С. 30–34. <https://doi.org/10.24158/tipor.2018.12.4>
- Толстых Н.Н. Современное взросление. Консультативная психология и психотерапия. 2015. Т. 23. № 4. С. 7–24. <https://doi.org/10.17759/cpp.2015230402>
- Хриптович В.А. Поколение инфантильных: обзор проблемы // Научные труды Республиканского института высшей школы. Исторические и психолого-педагогические науки: сб. науч. статей. 2015. № 15–2. С. 206–213.
- Шевкова Е.В., Березина Е.М., Полянина О.И. Современные практики развития взрослости: философские и психологические аспекты // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2018. № 2. С. 221–228. <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2018-2-221-228>
- Arnett J.J. Emerging adulthood: a theory of development from the late teens through the twenties // American Psychologist. 2000. Vol. 55. No 5. Pp. 469–480. <https://doi.org/10.1037/0003-066x.55.5.469>
- Berrington A., Roberts S., Tammes P. Educational aspirations among UK young teenagers: exploring the role of gender, class and ethnicity // British Educational Research Journal. 2016. Vol. 42. No 5. Pp. 729–755. <https://doi.org/10.1002/berj.3235>
- Billari F.C., Liefbroer A.C. Towards a new pattern of transition to adulthood? // Advances in Life Course Research. 2010. Vol. 15. No 2–3. Pp. 59–75. <https://doi.org/10.1016/j.alcr.2010.10.003>
- Calcutt A. Arrested development: pop culture and the erosion of adulthood. London: Bloomsbury Academic, 2010. 262 p. <https://doi.org/10.5040/9781474287029>
- Crawford R. Health as a meaningful social practice // Health. 2006. Vol. 10. No 4. Pp. 401–420. <https://doi.org/10.1177/1363459306067310>
- Fossas A. Psychological maturity predicts different forms of happiness // Journal of Happiness Studies. 2019. Vol. 20. No 6. Pp. 1933–1952. <https://doi.org/10.1007/s10902-018-0033-9>
- Fry R., Igielnik R., Patten E. How Millennials today compare with their grandparents 50 years ago. Washington, DC: Pew Research Center, 2018. URL: <http://pewrsr.ch/2Dys8lr> (accessed: 03.06.2022).
- Hershatter A., Epstein M. Millennials and the world of work: an organization and management perspective // Journal of Business and Psychology. 2010. Vol. 25. No 2. Pp. 211–223. <http://doi.org/10.1007/s10869-010-9160-y>

- Jarvis P. Adult education and lifelong learning: theory and practice. London – New York: RoutledgeFalmer, 2004. 392 p. <https://doi.org/10.4324/9780203561560>
- Lyons S.T., Kuron L. Generational differences in the workplace: a review of evidence and directions for future research // *Journal of Organizational Behavior*. 2014. Vol. 35. No S1. Pp. 139–157. <https://doi.org/10.1002/job.1913>
- Omelchenko E.L. Russian youth from the 1990s until 2010: generational changes // *Generation X Goes Global: Mapping a Youth Culture in Motion* / ed. by C. Henseler. New York: Routledge, 2012. Pp. 248–268. <https://doi.org/10.4324/9780203100219-21>
- Parry E., Urwin P. Generational differences in work values: a review of theory and evidence // *International Journal of Management Reviews*. 2011. Vol. 13. No 1. Pp. 79–96. <https://doi.org/10.1111/j.1468-2370.2010.00285.x>
- Puur A., Rahnu L., Maslauskaitė A., Stankuniene V. Past and present patterns of family formation in Eastern Europe: does Hajnal’s delineation still matter? // *Filosofija Sociologija*. 2012. Vol. 23. No 4. Pp. 256–265.
- Raskin J.D. Constructivist theories // *Comprehensive handbook of personality and psychopathology*. Vol. 1. Personality and everyday functioning / ed. by J.C. Thomas, D.L. Segal, M. Hersen. Hoboken: John Wiley & Sons Inc., 2006. Pp. 212–229.
- Rikel A.M. Perception of social maturity criteria, self-perception and value orientations among Russian millennials // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика*. 2020. Т. 17. № 3. С. 491–503. <https://doi.org/10.22363/2313-1683-2020-17-3-491-503>
- Shoven J.B., Goda G.S. Adjusting government policies for age inflation // *Demography and the Economy* / ed. by J. Shoven. Chicago: University of Chicago Press, 2011. Pp. 143–168. <https://doi.org/10.7208/chicago/9780226754758.003.0005>
- Smith A., Bodell L.P., Holm-Denoma J., Joiner T., Gordon K., Perez M., Keel P. “I don’t want to grow up, I’m a [Gen X, Y, Me] kid”: increasing maturity fears across the decades // *International Journal of Behavioral Development*. 2017. Vol. 41. No 6. Pp. 655–662. <https://doi.org/10.1177/0165025416654302>
- Thompson R., Holland J. Imagined adulthood: resources, plans and contradictions // *Gender and Education*. 2002. Vol. 14. No 4. Pp. 337–350. <https://doi.org/10.1080/0954025022000020072>
- Twenge J.M., Campbell S.M., Hoffman B.J., Lance C.E. Generational differences in work values: leisure and extrinsic values increasing, social and intrinsic values decreasing // *Journal of Management*. 2010. Vol. 36. No 5. Pp. 1117–1142. <https://doi.org/10.1177/0149206309352246>
- Zakharov S. Russian Federation: from the first to second demographic transition // *Demographic Research*. 2008. Vol. 19. Pp. 907–972. <https://doi.org/10.4054/DemRes.2008.19.24>

История статьи:

Поступила в редакцию 3 марта 2022 г.

Принята к печати 26 апреля 2022 г.

Для цитирования:

Тихомандрицкая О.А., Рикель А.М. (Не)взрослое поколение: модель исследования поколенческой относительности оценки взрослости // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика*. 2022. Т. 19. № 2. С. 209–232. <https://doi.org/10.22363/2313-1683-2022-19-2-209-232>

Сведения об авторах:

Тихомандрицкая Ольга Алексеевна, кандидат психологических наук, доцент, заведующая кафедрой социальной психологии, факультет психологии, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия). ORCID: 0000-0002-9072-1826. E-mail: otihomandr@mail.ru

Рикель Александр Маркович, кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной психологии, факультет психологии, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия). ORCID: 0000-0002-6940-4244. E-mail: a.m.rikel@gmail.com

DOI 10.22363/2313-1683-2022-19-2-209-232

Theoretical article

(Non)adult Generation: A Model for Studying the Generational Relativity of Maturity Assessment

Olga A. Tikhomandritskaya , Alexander M. Rikel

Lomonosov Moscow State University,
11 Mokhovaya St, bldg 9, Moscow, 125009, Russian Federation
 a.m.rikel@gmail.com

Abstract. The fact of the lengthening of childhood is currently not disputed by psychologists and researchers and is the reason for the revision of the generally recognized age limits of childhood. The article considers both classical (including biological, sociological, demographic and socio-psychological) criteria of growing up and modern ideas about these criteria. An analysis of the chronology of changes in views in this area is made, including the reasons for these changes in today's digital context. Based on the thesis about the variability of growing-up scenarios in the modern world, the difference in the views corresponding to this variability among representatives of different generations, and, as a result, the possible "conflict between fathers and children", the authors propose a model for studying the generational relativity of the assessment of maturity. The model is described at each level of possible research (behavioral representations of adulthood, interpretation of these representations, system of attitudes, value orientations). The purpose of creating the model is substantiated, namely, the analysis of the conflict of generations both at the level of everyday ideas and at deeper levels of differences (including value orientations). Through the prism of social constructionism, a conclusion is made about the decreasing usefulness of highlighting specific parameters and components of maturity in the conditions of modern digital society.

Key words: generation, generational conflict, generation Z, adulthood, social constructionism

Acknowledgements and Funding. The work was supported by the Russian Science Foundation grant No. 22-18-00230 "Predictors of the Psychological Adaptation of the Individual in the Situation of Global Risks of the Digital World: Intergenerational and Gender Analysis."

References

- Andreeva, G.M. (2001). *Social psychology*. Moscow: Aspekt Press. (In Russ.)
- Arnett, J.J. (2000). Emerging adulthood: A theory of development from the late teens through the twenties. *American Psychologist*, 55(5), 469–480. <https://doi.org/10.1037/0003-066x.55.5.469>
- Artamonova, A.V., & Mitrofanova, E.S. (2018). Matrimonial behavior of Russians in a European context. *Demographic Review*, 5(1), 106–137. (In Russ.) <https://doi.org/10.17323/demreview.v5i1.7711>

- Belinskaya, E.P., & Dzhuraeva, M.R. (2021). The relationship between proactive coping with difficult life situations and the level of mindfulness: A cross-cultural analysis. *Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology*, 11(1), 48–62. (In Russ.) <https://doi.org/10.21638/spbu16.2021.103>
- Berrington, A., Roberts, S., & Tammes, P. (2016). Educational aspirations among UK young teenagers: Exploring the role of gender, class and ethnicity. *British Educational Research Journal*, 42(5), 729–755. <https://doi.org/10.1002/berj.3235>
- Billari, F.C., & Liefbroer, A.C. (2010). Towards a new pattern of transition to adulthood? *Advances in Life Course Research*, 15(2–3), 59–75. <https://doi.org/10.1016/j.alcr.2010.10.003>
- Calcutt, A. (2010). *Arrested development: Pop culture and the erosion of adulthood*. London: Bloomsbury Academic. <https://doi.org/10.5040/9781474287029>
- Crawford, R. (2006). Health as a meaningful social practice. *Health*, 10(4), 401–420. <https://doi.org/10.1177/1363459306067310>
- Dermanova, I.B., & Manukyan, V.R. (2010). Personal maturity and its psychological content. *Vestnik of Saint Petersburg University. Series 12. Psychology. Sociology. Pedagogy*, (4), 68–73. (In Russ.)
- Dotsenko, E.L. (2009). *Personality psychology*. Tyumen: UTMN Publ. (In Russ.)
- Emelyanova, T.P., & Shmidt, D.A. (2019). Partnership in marriage: Representations of two generations. *RSUH/RGU Bulletin. Psychology. Pedagogics. Education Series*, (4), 63–79. (In Russ.) <https://doi.org/10.28995/2073-6398-2019-4-63-79>
- Fossas, A. (2019). Psychological maturity predicts different forms of happiness. *Journal of Happiness Studies*, 20(6), 1933–1952. <https://doi.org/10.1007/s10902-018-0033-9>
- Fry, R., Igielnik, R., & Patten, E. (2018, March 16). *How Millennials today compare with their grandparents 50 years ago*. Washington, DC: Pew Research Center. Retrieved June 3, 2022, from <http://pewrsr.ch/2Dys8lr>
- Goralik, L. (2008). Little Prince and big expectations. New maturity in modern Western society. *Teoriya Mody*, (8), 259–299. (In Russ.)
- Grishina, N.V. (2011). Life scripts: Normativity and individualization. *Psikhologicheskie Issledovaniya*, (3), 6. (In Russ.) <https://doi.org/10.54359/ps.v4i17.846>
- Gudzovskaya, A.A. (2014). *The psychology of social maturity*. Samara: SIPKRO Publ. (In Russ.)
- Hershatter, A., & Epstein, M. (2010). Millennials and the world of work: An organization and management perspective. *Journal of Business and Psychology*, 25(2), 211–223. <http://doi.org/10.1007/s10869-010-9160-y>
- Ilin, E.P. (2012). *Psychology of adulthood*. Saint Petersburg: Piter Publ. (In Russ.)
- Jarvis, P. (2004). *Adult education and lifelong learning: Theory and practice*. London, New York: RoutledgeFalmer. <https://doi.org/10.4324/9780203561560>
- Khriptovich, V.A. (2015). Generation infantile: Overview of the problem. *Nauchnye Trudy Respublikanskogo Instituta Vysshei Shkoly. Istoricheskie i Psikhologo-Pedagogicheskie Nauki*, (15–2), pp. 206–213. Minsk: NIHE Publ. (In Russ.)
- Kondratev, M.Yu., & Ilin, V.A. (2007). *ABC for social psychologist-practitioner*. Moscow: Per Se Publ. (In Russ.)
- Kostromina, S.N., Grishina, N.V., Zinovyeva, E.V., & Moskvicheva, N.L. (2018). Life model as a construct for studying the life scenario of personality. *Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology*, 8(4), 341–357. (In Russ.) <https://doi.org/10.21638/11701/spbu16.2018.403>
- Leonov, N.I., & Glavatsky, M.M. (2014). Socio-psychological maturity of the person: Integrative approach. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 14(1), 55–60. (In Russ.) <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2014-14-1-55-60>
- Lyons, S.T., & Kuron, L. (2014). Generational differences in the workplace: A review of evidence and directions for future research. *Journal of Organizational Behavior*, 35(S1), 139–157. <https://doi.org/10.1002/job.1913>
- Mak-Vilyams, N. (2001). *Psychoanalytic diagnosis: Understanding personality structure in the clinical process*. Moscow: Klass Publ. (In Russ.)

- Mamycheva, D.I. (2010). Transformations of the categories “Childhood” and “Adulthood” in contemporary culture. *Obshchestvo. Sreda. Razvitie (Terra Humana)*, (3), 75–80. (In Russ.)
- Martsinkovskaya, T.D., & Poleva, N.S. (2017). Generations of the transitivity era: Values, identity, communication. *Mir Psikhologii*, (1), 24–37. (In Russ.)
- Mead, M. (1988). *Culture and world of childhood. Selected works*. Moscow: Nauka Publ. (In Russ.)
- Miklyaeva, A.V. (2019). Socio-psychological approach to the study of personal infantilism. *Russian Foundation for Basic Research Journal. Humanities and Social Sciences*, (2), 147–157. (In Russ.) <https://doi.org/10.22204/2587-8956-2019-095-02-147-157>
- Mitina, A.M. (2010). The main criteria of adulthood identification in foreign andragogy. *Chelovek i Obrazovanie*, (1), 62–65. (In Russ.)
- Nartova-Bochaver, S.K., & Silina, O.V. (2018). *Psychological boundaries of personality: Growing up and culture*. Moscow: Pamyatniki Istoricheskoi Mysli Publ. (In Russ.)
- Omelchenko, E.L. (2012). Russian youth from the 1990s until 2010: Generational changes. In C. Henseler (Ed.), *Generation X Goes Global: Mapping a Youth Culture in Motion* (pp. 248–268). New York: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9780203100219-21>
- Ozhegov, S.I. (2009). *Explanatory dictionary of the Russian language: About 100,000 words, terms and phraseological expressions*. Moscow: Oniks Publ. (In Russ.)
- Pakhomova, E.A. (2021). Infantilism in the student youth environment as a psychological and pedagogical problem. *Chelovecheskii Kapital*, (2), 234–242. (In Russ.) <https://doi.org/10.25629/HC.2021.02.23>
- Parry, E., & Urwin, P. (2011). Generational differences in work values: A review of theory and evidence. *International Journal of Management Reviews*, 13(1), 79–96. <https://doi.org/10.1111/j.1468-2370.2010.00285.x>
- Portnova, A.G. (2008). Personal maturity: The approaches to definition. *Siberian Journal of Psychology*, (27), 37–41. (In Russ.)
- Postman, N. (2004). Disappearance of childhood. *Otechestvennye Zapiski*, (3). (In Russ.) Retrieved June 12, 2021, from <https://magazines.gorky.media/oz/2004/3/ischeznovenie-detstva.html>
- Puur, A., Rahnu, L., Maslauskaitė, A., & Stankuniene, V. (2012). Past and present patterns of family formation in Eastern Europe: Does Hajnal’s delineation still matter? *Filosofija Sociologija*, 23(4), 256–265.
- Radaev, V.V. (2020). The divide among the millennial generation: Historical and empirical justifications (part one). *Sotsiologicheskii Zhurnal*, 26(3), 30–63. (In Russ.) <https://doi.org/10.19181/socjour.2020.26.3.7395>
- Raskin, J.D. (2006). Constructivist theories. In J.C. Thomas, D.L. Segal & M. Hersen (Eds.), *Comprehensive Handbook of Personality and Psychopathology. Vol. 1. Personality and Everyday Functioning* (pp. 212–229). Hoboken: John Wiley & Sons Inc.
- Rikel, A.M. (2019). Generation as a social-psychological research object: Playing at home or an away match? *Social Psychology and Society*, 10(2), 9–18. (In Russ.) <https://doi.org/10.17759/sps.2019100202>
- Rikel, A.M. (2020). Perception of social maturity criteria, self-perception and value orientations among Russian Millennials. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 17(3), 491–503. <https://doi.org/10.22363/2313-1683-2020-17-3-491-503>
- Seibel, N.E. (2017). “Fear of Growing Up” in German drama of the early XXI century. *Philological Class*, (1), 84–87. (In Russ.) <https://doi.org/10.26710/fk17-01-14>
- Shevkova, E.V., Berezina, E.M., & Polyamina, O.I. (2018). Modern practices facilitating adulthood: Philosophical and psychological aspects. *Perm University Herald. Series Philosophy. Psychology. Sociology*, (2), 221–228. (In Russ.) <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2018-2-221-228>
- Shoven, J.B., & Goda, G.S. (2011). Adjusting government policies for age inflation. In J. Shoven (Ed.), *Demography and the Economy* (pp. 143–168). Chicago: University of Chicago Press. <https://doi.org/10.7208/chicago/9780226754758.003.0005>

- Smith, A., Bodell, L.P., Holm-Denoma, J., Joiner, T., Gordon, K., Perez, M., & Keel, P. (2017). “I don’t want to grow up, I’m a [Gen X, Y, Me] kid”: Increasing maturity fears across the decades. *International Journal of Behavioral Development*, 41(6), 655–662. <https://doi.org/10.1177/0165025416654302>
- Temnova, L.V., & Tezina, E.I. (2018). Kidulting as a social phenomenon. *Theory and Practice of Social Development*, (12), 30–34. (In Russ.) <https://doi.org/10.24158/tipor.2018.12.4>
- Thompson, R., & Holland, J. (2002). Imagined adulthood: Resources, plans and contradictions. *Gender and Education*, 14(4), 337–350. <https://doi.org/10.1080/0954025022000020072>
- Tolstykh, N.N. (2015). Modern maturation. *Counseling Psychology and Psychotherapy*, 23(4), 7–24. (In Russ.) <https://doi.org/10.17759/cpp.2015230402>
- Twenge, J.M. (2019). iGen: Why today’s super-connected kids are growing up less rebellious, more tolerant, less happy and completely unprepared for adulthood. Moscow: Ripol-Klassik Publ. (In Russ.)
- Twenge, J.M., Campbell, S.M., Hoffman, B.J., & Lance, C.E. (2010). Generational differences in work values: Leisure and extrinsic values increasing, social and intrinsic values decreasing. *Journal of Management*, 36(5), 1117–1142. <https://doi.org/10.1177/0149206309352246>
- Vershlovsky, S.G. (2013). Adulthood as an andragogical category. *Educational Studies Moscow*, (2), 285–297. (In Russ.) <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2013-2-285-298>
- Vishnevskii, A.G. (2006). *Demographic modernization of Russia, 1900–2000*. Moscow: Novoe Izdatel'stvo Publ. (In Russ.)
- Zakharov, S. (2008). Russian Federation: From the first to second demographic transition. *Demographic Research*, 19, 907–972. <https://doi.org/10.4054/DemRes.2008.19.24>
- Zhestkova, N.A. (2013). Methodological approaches to research social maturity and social infancy of the personality. *Vestnik Permskogo Universiteta. Seriya Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya*, (2), 128–136. (In Russ.)
- Zhukov, B. (2014). An industry of greenhorns. *Otechestvennye Zapiski*, (5), 24–36. (In Russ.)

Article history:

Received 3 March 2022

Revised 21 April 2022

Accepted 26 April 2022

For citation:

Tikhomandritskaya, O.A., & Rikel, A.M. (2022). (Non)adult generation: A model for studying the generational relativity of maturity assessment. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 19(2), 209–232. (In Russ.) <http://doi.org/10.22363/2313-1683-2022-19-2-209-232>

Bio notes:

Olga A. Tikhomandritskaya, PhD in Psychology, Associate Professor, is Head of the Department of Social Psychology, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia). ORCID: 0000-0002-9072-1826. E-mail: otihomandr@mail.ru

Alexander M. Rikel, PhD in Psychology, is Associate Professor of the Department of Social Psychology, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia). ORCID: 0000-0002-6940-4244. E-mail: a.m.rikel@gmail.com